

Э.П. Васильева, И.С. Кожухова *
Самарский Государственный Университет

Прагматическая типология несогласия и способы его выражения в английской разговорной речи

E.P. Vassilyeva, I.S. Kozhuhova
Pragmatic Typology of Disagreement and Ways of
Its Expression in Spoken English

Depending on the communicative function of the stimulus utterance, disagreement as a form of response may appear as a dissent, refusal or refutation of a reproach. There are stereotyped and contextually bound means of their expression; the latter prevail in spoken English.

В процессе изучения диалога лингвисты традиционно уделяют основное внимание анализу стимулирующей реплики в составе диалогического единства, признавая тем самым ее прогнозирующее воздействие на характер и содержание реактивной реплики. Будучи справедливым в своей основе, этот подход несколько упрощает сложные процессы речевого общения, как бы отказывая адресату в активном характере его высказывания. Между тем, диалог, являясь речевой деятельностью в равной мере обоих собеседников, предстает как интеракция, как результат их совместного творчества, в котором ответы не только коррелируют грамматически и семантически со стимулирующими репликами, но и несут определенную прагматическую установку, выражая отношение адресата к услышанному» [1, 29]. Т.Н. Шуголь определяет такие высказывания как диспозициональные речевые акты (ДРА), которые выражают определенную «предрасположенность адресата к речевому действию говорящего» [2, 3-5].

Диспозиция собеседника может носить как позитивный, так и

* © Васильева Э.П., Кожухова И.С., 2005.

негативный характер. К числу ДРА первого вида в самом общем виде относятся речевые акты согласия; второй вид ДРА представлен речевыми актами несогласия. Речевые акты позитивной диспозиции способствуют осуществлению как вербального, так и невербального сотрудничества коммуникантов, тогда как речевые акты негативной диспозиции могут вызвать обострение как межличностных отношений коммуникантов, так и самого характера протекания диалога. Следовательно, выбор средств негативной диспозиции требует весьма искусного и умелого пользования языком, которое позволило бы коммуникантам решать их задачи в условиях расхождения ряда прагматических установок. Значимость этого требования становится еще более очевидной, когда идет общение на иностранном языке и вероятность коммуникативного сбоя возрастает из-за факторов социокультурного характера.

Для случаев негативной диспозиции используется обобщающее понятие «несогласие», которое представлено рядом разновидностей, и их выбор определяется коммуникативной установкой стимулирующей реплики. Если она представлена констатирующим высказыванием, имеющим целью сообщение информации [3], ответная реплика может выражать либо подтверждение, либо отрицание достоверности услышанного.

1. *Cliff: He'd be quite pleased.*

Alison: Yes, he would.

(MEP, 59)

2. *Jarvis: There's Miss Richland and her fine fortune gone already, and on the point of beeing given to rival.*

Honeymoon: I'm no man's rival.

(Goldsmith, 21)

Если стимулирующая реплика в составе диалогического единства выражена директивным высказыванием, цель которого — побудить адресата к выполнению действия, то реактивная реплика выражает либо готовность, либо отказ выполнить его.

1. *Cliff: Leave her alone, I said.*

Jimme: All right, dear.

(MEP, 35)

2. *Lord Goring: And you must begin by telling your wife the whole story.*

Sir R. Cheltern: That I will not do.

(Wilde, 213)

Следующая разновидность стимулирующих реплик, прогнозирующих согласие или несогласие в ответной реплике, — высказывания-предположения. Они могут иметь форму констатирующих высказываний, но отличаются от них модальным компонентом, наличие или отсутствие которого определяется коммуникативной целью высказывания.

По мнению Н.Н. Павловой, «предположение может одновременно служить стимулом, вызывающим коммуникацию, и причинами этого можно считать то, что, во-первых, выражение предположения задает тему коммуникации, во-вторых, предположение всегда в какой-то степени основывается на общих для собеседников знаниях, а, в-третьих, речевая акция способна вызвать речевую реакцию». Автор также отмечает, что, хотя высказывания-предположения характеризуются отсутствием элементов программирования речевой реакции адресата, в диалоге они часто сопровождаются репликами с его стороны. Это может быть выражение подтверждения, опровержение предположения, выражение собственного предположения адресата [4, 5-7].

Следует отметить многообразие средств выражения предположения в английском языке. Если предположение выражено повествовательным по форме предложением, в нем содержатся индикаторы предположительной семантики — это могут быть модальные слова (*possibly, probably, perhaps, maybe, presumably*), модальные глаголы (*may, should, ought, must* в предположительном значении), вводные предложения (*I hope, I suppose, I think*). Для этих же целей используются разделительные и неинвертированные вопросы, вопросительно-отрицательные предложения.

Это многообразие средств позволяет выразить предположение различной степени — от граничащей с уверенностью до высокой степени проблематичности. Адресат в ответной реплике либо подтверждает, либо опровергает правомерность предположения, при этом его активность в процессе коммуникации проявляется в выборе ответной реплики независимо от степени уверенности собеседника: ответом на фактическую уверенность адресанта в своей правоте может стать ее отрицание:

Randal: You mock me, sure.

Old Wilmot: I never was more serious.

(Lillo, 301)

Высокую степень вероятности сообщаемого передают вопросительно-отрицательные предложения. В.А. Косарева считает, что по характеру своего содержания они идентифицируются как утвердительные, а отрицание в предложениях этого типа играет превентивную роль в получении возможного отрицательного ответа. Оно как бы накладывает запрет на возражение или ставит под сомнение его правомерность, имплицитно утверждая утвердительный ответ [5, 29]. Однако и в этом случае за адресатом остается право выбора согласия или несогласия.

1. *Berinthia: Don't I talk madly?*

Armanda: Madly, indeed.

(*Sheridan, 194*)

2. *Adriana: And are you not my husband?*

E. Antipholus: No, I say nay to that.

(*Shakespeare, 63*)

Еще одна прагматическая разновидность стимулирующей реплики, прогнозирующая появление согласия или несогласия, — это порицание, т.е. отрицательная оценка действий, поступков, вкуса и свойств характера самого адресата или близких ему людей. Общее понятие порицания реализуется в речи в виде ряда частных разновидностей, отличающихся степенью их иллокутивной силы — это могут быть легкий укор и упрек как наиболее сдержанные и тактичные формы проявления недовольства личного характера. Осуждение несет уже в себе не только более интенсивную степень порицания, но и нравственную оценку услышанного, и наконец, яростный гнев и выговор облакают личное неприятие и отрицательную нравственную оценку в яркую экспрессивную форму [6, 163-164]. Логично предположить, что вероятность негативной реакции наиболее высока именно на порицании, затрагивающем личностные характеристики адресата.

1. *Nora: How can I talk such nonsense about yourself?*

Kugar: It's not nonsense at all, it's true in a way.

(*Shaw, 92*)

2. *Walter: ... You make yourself very excited, then people give you a bad name and start being afraid of you. That's where you really do start worshipping the devil.*

Pamela: Oh, phooey!

Walter (more gravely): Not phooey!

(*MED, 51*)

Таким образом, понятие несогласия включает в себя такие составляющие как отрицание утверждения, содержащегося в констатирующем высказывании, отказ выполнить действие, представленное директивным высказыванием, опровержение достоверности предположения, а также возражение против порицания, высказанного в стимулирующей реплике.

Если обратиться к количественному соотношению различных видов стимулирующих реплик, прогнозирующих несогласие, то в половине случаев (50%) это высказывания-предположения, 25% материала составляют констатирующие и 22% – директивные речевые акты, тогда как на долю речевых актов порицания приходится всего 3% выборки. Очевидно, что данная количественная дистрибуция имеет под собой вполне логичные основания: абсолютное доминирование случаев предположения может объясняться, во-первых, недостаточной информированностью говорящего, а во-вторых, это еще отражение национальной психологии англичан, предпочитающих корректные, ненавязчивые средства общения, сохраняющие за собеседником возможность выбора. В то же время крайне низкая частотность речевых актов порицания объясняется их конфликтной природой, препятствующей успешному взаимодействию коммуникантов как в вербальном, так и невербальном планах.

Следующий аспект анализа связан с выявлением самого круга языковых средств, участвующих в выражении несогласия. Исходя из значения и формы самого слова «несогласие» (disagreement) можно предположить, что все эти средства содержат языковые формы отрицания, однако это утверждение было бы слишком категоричным. Во-первых, стратегическая роль «несогласия» в процессе общения, предполагающая дипломатичность и корректность в выборе средств, а во-вторых, контекстуальная зависимость несогласия как реактивной реплики от стимулирующей послужили причинами создания в английском языке весьма широкого и многообразного по составу круга средств несогласия как лексического, так и грамматического характера.

Многие лингвисты отмечают клишированный характер средств согласия / несогласия. Т.Н. Шуголь, исходя из характера их синтаксической структуры, разделяет эти ответные реплики на клишированные высказывания (That's right!), клишированные комплексы (Quite right), клишированные лексемы (True. Right). С точки зрения

их уровневое представление автор делит коммуникативно речевые клише на лексикализованные (By no means. Dead right), грамматикализованные клише (It is so), функционально-семантические клише (I disagree. We obey.) [2, 7].

Авторы практических пособий по основам английской разговорной речи также называют ряд клишированных средств согласия / несогласия, а также способы смягчения последнего: I am afraid I disagree with you. True, but... Yes, but... Do you think so? Actually... [7, 103].

Корректному оформлению возражения способствуют средства уточнения пределов согласия / несогласия: I agree with you up to the point but... I agree with you in a sense... I agree with you in a way... [8, 63] – или употребление форм сослагательного наклонения: I'd like to say yes, but... I'd like to help you, but... [9, 18].

Высокая экспрессивность, являющаяся отличительной особенностью разговорной речи в целом, находит отражение и в оформлении диспозициональных реплик как согласия, так и несогласия:

Согласие: *Good! Wonderful! Great! Excellent! Splendid! What a good idea* [10, 104-105].

Несогласие: *Nonsense! Rubbish! That's ridiculous! Whatever for? That's silly* [11, 17].

Однако, как свидетельствует анализ фактического материала, клишированные средства не являются ведущими при выражении согласия / несогласия. Реактивный характер данных реплик определяет их контекстуальную зависимость от стимулирующей реплики при выборе средств. Активность адресата в коммуникативном процессе проявляется в выборе самого прагматического вида реакции – согласия или несогласия, тогда как вербализация реакции посредством лексических и грамматических средств в значительной степени определяется языковой формой стимулирующей реплики. Если она представлена утвердительным высказыванием, то в ответной реплике логично ожидать перевод данного высказывания в отрицательную форму и, напротив, отрицательное высказывание стимулирующей реплики переводится в утверждение в ответе.

1. *Lord Coversham: You are very heartless.*

Lord Goring: I hope not, father.

(*Wilde, 246*)

2. *Doctor: ...He is no longer a brother of mine.*

Allworthy: Indeed, but he is

(*Fielding, 315*).

Такие способы выражения несогласия, на наш взгляд, можно определить как логико-грамматическую корреляцию, когда между составляющими диалогического единства имеет место соотношение «утверждение – отрицание» или «отрицание – утверждение». Для ответной реплики в этих случаях характерно регулярное употребление именных и глагольных заместителей и репрезентантов, которые, с одной стороны, усиливают семантическую связь между смежными репликами, а с другой – обеспечивают существенную экономию речевых усилий.

1. *A young man: Maybe, you'll change your mind?*

Dorothy: I don't think so. (MEP, 71)

2. *Angelo: I'll meet you at that place some hour hence.*

E. Antipholus: Do so. (Shakespeare, 28)

3. *Jones: I have been a very wild fellow.*

Officer: So am I too. (Fielding, 324)

К контекстуально зависимым способам выражения несогласия относятся и ответные реплики, построенные на приеме вычленения наиболее коммуникативно значимого семантико-синтаксического элемента стимулирующей реплики и его воспроизведения в виде реакции, как правило, весьма экспрессивной. Этот элемент высказывания выражает не только несогласие, но и негодование, возмущение услышанным.

Colonel: You were afraid of being disloyal to your husband!

Alison: Disloyal! (MEP, 102)

Вычлененный фрагмент может быть продолжен мотивирующим высказыванием, объясняющим причину негативной реакции:

Absolute: And for your fortune, the lawyers shll make such settlement as ...

Lidia: Lawyers! I hate lawyers. (Sheridan, 72)

Несогласие может быть также выражено без формальных операторов отрицания за счет лексических средств, оценивающих содержание услышанного как недостоверное, — это такие глаголы как *to deceive, lie mistake, protest, doubt*, прилагательные *false, contrary*, существительное *lie* и др.

1. *Clown: We are but plain fellows, sir.*

Anolycus: A lie, you are rough and hairy. (Shakespeare, 84)

2. *Jack Cude: By her he had two children at one birth.*

Brother: That's false. (Shakespeare, 55)

3. *Olivia: I fear, I shall be the most guilty thing alive.*

Leontine: But you mistake, my dear. (Goldsmith, 41)

Наконец, несогласие в ситуации диалога может получить невербальное оформление, воспринимаемое собеседником визуально:

Mollie: Do you still love me, Philip?

Philip: Love you? [Shakes his head negatively]. (МАР, 93)

Итак, неоднородность понятия «несогласие» порождает многообразие способов реагирования на него (клишированные и контекстуально зависимые, лексические, грамматические и невербальные средства). Не в меньшей степени это многообразие определяется диссонансной природой самой реплики, которая в целях успешного протекания диалога должна быть максимально корректно оформлена. Выбор реплики, оптимально соответствующей конкретной ситуации общения, регулируется многими факторами, среди которых В.В. Бузаров называет социальный статус собеседников, их роли в акте общения, социальные установки, место протекания речевого акта. По мнению автора, «именно на противопоставлении «официальные - неофициальные отношения собеседников, равенство – неравенство социального статуса» и т.д. основывается выбор стилистически корректного варианта из синонимического ряда, образующего тематическую группу, в процессе речевой коммуникации» [12,103].

Очевидно, что на выбор языковых средств в процессе коммуникации влияет множество факторов не только лингвистического, социолингвистического и психолингвистического, но также и экстралингвистического характера. Именно ими, на наш взгляд, можно объяснить поступательный рост численности средств несогласия, представленных логико-грамматической корреляцией, на протяжении новоанглийского языка: ранненовоанглийский (XVI–XVII вв.) – 35%; средненовоанглийский (XVIII в.) – 45,5%; современный английский (XIX–XXI вв.) – 58,3%. При этом в современном диалоге вдвое ниже доля средств несогласия, сопровождающихся мотивирующим высказыванием.

Снизилась также доля лексических средств несогласия. Эти данные свидетельствуют о том, что в современном диалоге преобладают реплики несогласия, характеризующиеся контекстуальной зависимостью и лаконизмом. Они позволяют экономить ментальные и речевые усилия, а также время общения. Отбор именно этих реплик несогласия объективно диктуется современным темпом жизни и ее все более деловым характером.

Библиографический список

1. Васильева, Э.П. Система средств негативной диспозиции в английском диалоге [Текст] / Э.П. Васильева // Языковые процессы в различных типах текста: межвузовский сборник научных статей. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994.
2. Шуголь, Т.Н. Диспозиционные речевые акты и способы их выражения (на материале языка новоанглийского периода) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Шуголь. — Л., 1990.
3. Функционально-семантическую классификацию высказываний см.: Чахоян, Л.П. Синтаксис диалогической речи английского языка [Текст] / Л.П. Чахоян. — М.: Высшая школа, 1979.
4. Павлова, М.Н. Особенности употребления высказываний-предложений в диалогической речи [Текст] / М.Н. Павлова // Базовые грамматические единицы языка в речевой коммуникации: сб. научных трудов. — Вып. 306. — М., 1988.
5. Косарева, В.А. Коммуникативно-установочный статус вопросительно-отрицательных предложений в современном английском языке [Текст] / В.А. Косарева // Семантика слова и предложения в английском языке. — Л., 1980.
6. Васильева, Э.П. Типология речевых актов порицания в стилизованной английской разговорной речи [Текст] / Э.П. Васильева // Прагматика форм речевого общения. — Самара: Самарский университет, 2001.
7. Leech, G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. — Moscow, 1983.
8. Ivanov, A. O., Povey J. English Conversational Formulas. — Moscow 1989.
9. Jones, L. Functions of English. — Cambridge, 1984.
10. Plukhina, Z. A. The Way the British Communicate. — Moscow 1991.
11. Freitas, J. F. Survival English. - Moscow, 1982.
12. Бузаров, В.В. Формулы речевого этикета в английской диалогической речи [Текст] / В.В. Бузаров // Социальная и стилистическая вариативность английского языка. — Пятигорск, 1988.

Источники и принятые сокращения

1. Collected Works of Oliver Goldsmith. — Oxford, 1996. — Goldsmith.
2. Complete Works of William Shakespeare. — The Wordsworth Poetry Library, 1994. — Shakespeare.
3. Fielding H. Tom Jones, the Foundling. — London, 1991. — Fielding.
4. Modern American Plays. — Leningrad, 1981. — МАР.
5. Modern English Plays. Moscow, 1966. - МЕР.
6. Selections from B. Shaw. — Moscow, 1996. — Shaw.
7. Sheridan, R. B. Complete Plays. — London and Glasgow, 1954. — Sheridan.
8. The Dramatic Works of George Lillo. — Oxford, 1993. — Lillo.
9. Wilde, O. Plays. — Moscow, 1996. — Wilde.